

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы археологии Подонья в скифскую эпоху»

© 2002 г.

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ

(Проблемы этнокультурной интерпретации)

Опубликованные в последние годы обобщающие археологические исследования позволяют в общих чертах реконструировать этнокультурную ситуацию, сложившуюся в Подонье к середине I тыс. до н.э.¹ В отличие от племен, населявших этот регион в предшествующую эпоху бронзы и известных лишь по условным названиям археологических культур, у народов раннего железного века имеются не только этнонимы, но и весьма яркие этнографические характеристики. Я не разделяю скептического отношения некоторых маститых археологов к сообщениям античной традиции из-за неопределенности и ограниченности ее информации, не говоря уж о радикальных призывах пока отказаться от нее при интерпретации археологических материалов, тем более что и сами они широко используют те же имена скифов, савроматов, саков, дошедшие до нас лишь благодаря грекам и другим цивилизованным народам древности². При всей фрагментарности и скудости сведений древних авторов лишь могут придать нашим археологическим реконструкциям определенную этнографическую и историческую конкретность. Не будь последних, картина расселения племен в Скифии, воссоздаваемая только средствами археологии, выглядела бы иначе, во всяком случае намного беднее, чем ее видели древние греки. А скорее всего ее и вовсе не было бы, как нет, например, этногеографии срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы, археологически изученной ничуть не хуже скифской или сарматской культур раннего железного века. Трудность

---

¹ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.). М., 1999; Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001; Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993–2000 гг.). М., 2001. В настоящее время среднедонской регион – единственный в Лесостепной Скифии, где практически полностью и, что особенно важно, по комплексам опубликованы все курганные могильники.

² Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1. С. 62; Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1. С. 11 (далее – ДПС).

состоит в том, что этнографические сведения далеко не всегда лежат на поверхности нарративного античного источника – они могут быть извлечены из его недр лишь в результате специального, весьма трудоемкого источниковедческого исследования³.

Я отчасти разделяю пессимизм В.И. Гуляева (ДПС, с. 11) по поводу напрасных ожиданий каких-то больших прорывов в истолковании письменных источников по этногеографии Скифии в ближайшее время, но не потому, что их возможности исчерпаны. Как кажется, проблема в другом – сейчас в России практически нет специалистов, прежде всего филологов-классиков, систематически и целенаправленно занимающихся исследованием и переводом на современном уровне текстов античных авторов, писавших о Скифии, скифах и их соседях. Тем не менее, это не означает, что скифологи должны проигнорировать тот огромный фонд сведений о Скифии, который сохранила античная традиция. Хотим мы того или нет, но информацией, почерпнутой из письменных источников, пользуются прямо или опосредованно все исследователи, в той или иной степени касавшиеся скифо-сарматской проблематики. Но весь вопрос в том, *как ею пользоваться?*

Здесь мы сталкиваемся с весьма сложной междисциплинарной проблемой сопоставления данных письменных и археологических источников, проблемой старой, но в последнее время приобретающей новое звучание прежде всего в силу все более глубокого осознания исследователями принципиальных различий в отражении этими источниками информации о прошлом. При всех имеющихся расхождениях в их взглядах они сформулировали ряд обязательных условий, выполнение которых необходимо для продуктивного сопоставления данных различных категорий источников по этногенезу и ранней этнической истории. Напомню главные из них:

1. Строгий учет специфики каждого из привлекаемых видов источников, во многом определяющей объем и качество содержащейся в них информации о древних народах.

2. Междисциплинарному синтезу должен предшествовать внутриотраслевой анализ каждого вида источников, а также основанных на нем реконструкций⁴.

3. Сопоставлению подлежат не просто археологические данные и сведения, взятые из письменных источников, но обязательно конечные результаты независимого изучения первых и вторых⁵.

4. Недопустимо прямое заимствование этнической номенклатуры или отдельных, вырванных из контекста сообщений античной традиции о древнем этносе без его всесторонней внешней и внутренней критики⁶.

5. Поиск в разных группах источников информации об одних и тех же явлениях или событиях этнокультурной истории, «изоморфных точек» по терминологии Л.С. Клейна, передаваемой специфическим для каждого из них способом с последующим переводом сообщений, идентичных или близких по содержанию, но различных по своей кодовой природе⁷.

6. Для успешной разработки интересующей нас тематики необходимо максимально расширить поле научного исследования, потому что проблемы этнической истории невозможно решать, не выходя за узкие рамки «своего» региона, так как этнос прежде всего категория сравнительная⁸. Этническое своеобразие определенной группы людей находило выражение через ее отличия в этнониме, языке, духовной и материальной культуре от других групп. Поэтому его можно заметить только при широте подхода, позволяющем охватить одним взглядом не только главный объект изучения, например, этническую ситуацию в Подонье в V–IV вв. до н.э., но и соседние этно-

³ Поплинский Ю.К. Принципы этнографических описаний в античной научной литературе // Африканский сборник. Вып. XII. Л., 1990. С. 129.

⁴ Клейн Л.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. 1988. № 5. С. 19.

⁵ Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этнос и исторические процессы. М., 1993. С. 65.

⁶ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 11, 40.

⁷ Клейн. Ук. соч. С. 18, 22.

⁸ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 49; Погребова, Раевский. Ук. соч. С. 26.

культурные образования, в нашем случае – их остатки в виде материальных памятников, объединенных в археологические культуры, локальные варианты и т.п.

7. Новая интерпретация имеет право на существование, если она охватывает в единой непротиворечивой системе максимально большое число эмпирических фактов, добытых в результате анализа разных источников. В итоге при строгом выполнении этих требований вырабатывается не только более перспективная гипотеза, но иногда *генерируется новое знание, которое невозможно было бы получить при изучении тех же источников порознь.*

Разумеется, все вышеизложенное – лишь идеальная процедура исследования, к тому же предельно упрощенная и схематизированная. Но она накладывает на исследователей ряд серьезных ограничений, сводящих к минимуму субъективизм их построений.

К началу XXI в. по проблеме этнической принадлежности населения Среднего Дона в скифское время накопилась обширная литература. Опираясь на археологические и письменные источники, одни исследователи размещали на этой территории геродотовых будинов⁹, другие – так называемых «воронежских скифов»¹⁰, третьи – «отложившихся скифов»¹¹, четвертые – меланхленов¹², пятые – тиссагетов и иирков¹³, шестые – савроматов и сирматов¹⁴. В итоге этот вопрос оказался настолько запутан, что сейчас представляется более актуальной не разработка очередной авторской локализации, а взвешенный критический анализ имеющихся гипотез с привлечением максимально полного объема всех источников, а также современных наработок в области древней этногеографии. Но для начала необходимо попытаться разобраться, в чем причина столь существенных расхождений в интерпретации одних и тех же археологических материалов и сообщений античных авторов? Только ли в скудности и противоречивости этногеографических сведений Геродота и других древних писателей?

Кажется, дело не столько в этом, сколько в самом отношении современных исследователей, в особенности коллег-археологов, к письменным источникам. Следует признать, что нередко они используют лишь часть информации, содержащейся у античного автора, которая не противоречит их построениям. Вопрос о степени ее достоверности в контексте особенностей мировоззрения и исследовательских приемов древнего автора обычно специально археологом не рассматривается. Если в «своих» источниках он довольно легко находит определенную, ограниченную во времени и пространстве систему в виде археологических культур, вариантов, локальных групп памятников, то такого же системного подхода почти не наблюдается при его обращении к данным письменной традиции, из которой зачастую вырываются отдельные подходящие фрагменты. Между тем, и последняя в ряде случаев содержала весьма упорядоченную информацию, в том числе и этногеографического характера, в кото-

⁹ *Либеров П.Д.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151. С. 5–26; *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971. С. 131–151, 160–161; *Шрамко Б.А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелон-будинская проблема // СА. 1975. № 1. С. 120; *Моруженко А.А.* Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 1. С. 44–47.

¹⁰ *Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 132–133; *Шоков А.Ф.* Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952; *Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. 1995. № 4. С. 100–102.

¹¹ *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 116–122; *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992. С. 98, 118.

¹² *Рыбаков.* Ук. соч. С. 118–122; *Рассадин С.Е.* Племена и народы «заскифского» северо-востока. Минск, 1997. С. 5–11.

¹³ *Яйленко В.П.* К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 64. Карта на с. 57; Gold der Skythen. Neumünster, 1993. Abb. 3.

¹⁴ *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 26–27; *Максименко В.Е.* Сирматы: античная традиция и археологические данные. Доклад, прочитанный на I чтении памяти К.Ф. Смирнова в Институте археологии РАН 27 ноября 1995 г.

рой также можно обнаружить определенную систему или, во всяком случае, некий каркас, отражающий этногеографические представления автора и его современников. Кажется, впервые в скифологии такой подход был продекларирован Б.А. Рыбаковым, хотя в своей собственной реконструкции этногеографии Скифии он неоднократно от него отступал¹⁵.

Разумеется, уже чисто теоретически было бы наивным каждый раз ожидать сколь-нибудь полного совпадения этих двух систем информации этногеографического характера, поскольку нарративные и археологические источники в лучшем случае отражают разные стороны одного и того же явления, к тому же первые – весьма избирательно, а вторые – всегда фрагментарно. Тем не менее, по моему убеждению, только последовательное сопоставление тех и других именно как систем позволит реконструировать некую объективную канву для воссоздания этногеографии Скифии и, в частности, той ситуации, которая сложилась в бассейне Дона в середине I тыс. до н.э.

Коротко остановимся на археологическом аспекте обсуждаемой проблемы, тем более что в статье В.И. Гуляева, положившей начало дискуссии, культурная ситуация в лесостепном Подонье в скифское время описана далеко не полно. У исследователей не вызывает сомнений наличие здесь не только курганных могильников, которые В.И. Гуляев уверенно называет скифскими, но и других групп памятников. В частности, Верховья Дона и Воронежа были заняты небольшими по площади поселениями (известно свыше 100) и городищами (не менее 10) городищской культуры, которые составили здесь особый локальный вариант¹⁶. В свете имеющихся на сегодняшний день данных городищские племена были прежде всего охотниками и рыбаками. Южнее, на Среднем Дону и Подворонежье в V–IV вв. до н.э. ситуация оказалась гораздо более сложной, что нашло отражение и в археологических материалах. Сейчас здесь известно не менее 60 скифоидных городищ, свыше 300 поселений и семь курганных могильников¹⁷. Используя методы пространственного анализа, в Правобережье Среднего Дона удалось выявить около десятка локальных микрорайонов памятников скифского времени. Многие из них имели довольно устойчивую внутреннюю структуру в пределах бассейна малой реки, основными звеньями которой являлись городища, соединенные цепочкой неукрепленных поселений. Иногда в них входили и курганные могильники, располагавшиеся правда всегда обособленно от ближайших городищ.

Комплексный сравнительный анализ среднедонских памятников свидетельствует в пользу существования здесь в скифское время двух хозяйственно-культурных типов (ХКТ):

1. ХКТ оседлых лесостепных земледельцев и скотоводов, оставивших городища и поселения с выраженным культурным слоем.

2. ХКТ подвижных скотоводов, по существу полукочевников, которым принадлежали среднедонские курганные могильники и большинство сезонных стоянок.

Оба типа памятников не имеют местных корней. Они распространяются на Среднем Дону и в Подворонежье с VI в. до н.э., причем скорее всего городища сооружаются несколько раньше, чем курганные некрополи. Первые захоронения в Частых (курган 8 с парой бронзовых жертвенных ножей) и Мастюгинских (курган 29/21 с греческой бронзовой гидрией первой половины V в. до н.э.) курганах нельзя датировать ранее рубежа VI–V вв. до н.э. И тот, и другой тип среднедонских памятников обнаруживают истоки в лесостепной скифоидной культуре Украины VII–VI вв. до н.э., более всего – в Днепровском Левобережье, о чем я и мои воронежские коллеги неоднократно писали с конца 80-х годов¹⁸. На мой взгляд, в материальной культуре обита-

¹⁵ Рыбаков. Ук. соч. С. 9–10.

¹⁶ Левенок В.П., Миронов В.Г. К вопросу о новом районе городищской культуры // СА. 1976. № 2. С. 15–36.

¹⁷ Медведев. Ранний железный век... С. 49–90. Рис. 18, 20.

¹⁸ Медведев А.П. К предыстории среднедонской культуры скифского времени // Тез. докл. конф. Запорожье, 1989. С. 85; *он же*. Памятники скифского времени Среднего Дона (опыт пространственного

телей среднедонских городищ и населения, оставившего воронежские курганы, рассматриваются различия как социального, так и этнокультурного характера. Их сравнительный анализ свидетельствует о сосуществовании на Среднем Дону и прилегающих районах Подворонежья двух различных социо-, а возможно, и этнокультурных комплексов: низовой культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребаемой в курганах. Вероятно, последняя со временем составила здесь своего рода властвующую элиту, судя по обилию импорта и других дорогих изделий, процветавшую за счет эксплуатации основной массы зависимого оседлого населения городищ. Так выглядит историко-культурная ситуация на Среднем Дону, реконструируемая средствами археологии.

Однако сколь бы детально и изолированно мы не изучали археологические источники, в них самих все-таки не найти прямой информации, указывающей на этнос оставившего их населения. Для решения дискуссионной проблемы необходимо выйти за рамки собственно археологического источника и обратиться к анализу античной традиции.

Основным и по существу единственным оригинальным письменным источником по истории Среднего Дона в середине I тыс. до н.э. является «Скифский логос» Геродота. Сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнений сложный, а местами противоречивый характер этого сочинения, так как Геродот соединил в нем и более раннюю ионийскую традицию, и картину расселения современных ему племен, и обширный фольклорный материал, полученный от скифов и других народов¹⁹. Специальные исследования выявляют различные, в том числе, весьма далекие от требований современной науки мотивации, которыми руководствовался «отец истории» при отборе и подаче материала²⁰. Здесь не место рассматривать все вопросы этой ключевой для древней истории Юга Восточной Европы источниковедческой проблемы. Важнее еще раз обратить внимание на те ее аспекты, без учета которых невозможно научно реконструировать историческую географию Подонья в античное время. В первую очередь должны быть проанализированы те данные, которые можно использовать в качестве своего рода географических реперов при локализации этносов, проживавших во времена Геродота к востоку и северо-востоку от Скифии.

Прежде всего, это вопрос об идентификации р. Танаис. После выхода в свет книги Б.А. Рыбакова резко возросло число сторонников отождествления Геродотового Танаиса не с р. Дон, а с Северским Донцом и низовьями Дона²¹. Однако проведенная мною проверка географических данных Геродота и Птолемея об этой реке подтвердила правомерность его традиционной идентификации скорее с Доном, нежели с Северским Донцом и нижним течением Дона²². Поэтому можно использовать эту реку

анализа) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 60; он же. Посульские и среднедонские курганы скифского времени // Историко-культурная спадщина Глухівщини. Глухів, 1992. С. 72.

¹⁹ Делеков Л.А., Раевский Д.С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и их историческая информативность // НАА. 1979. № 6. С. 68–74; Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 21; Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 86–126; Ivantchik A.I. Une légende sur l'origine des scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythicos logos* d'Hérodote // Revue des Études Grecques. 1999. 112. P. 141.

²⁰ Barth R. Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot // Klio. 1968. № 3 (50). S. 95–110; Weber H.A. Herodots Verständnis von Historie. Untersuchungen zur Methodologie und Argumentationsweise Herodots. Frankfurt a. M. – München, 1976 (особенно гл. 2); Hartog F. Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre. P., 1980. P. 221–382.

²¹ Рыбаков. Ук. соч. С. 27–28; Максименко В.Е. Сарматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 13; Яйленко. Ук. соч. С. 54; Шрамко Б.А. Бельские городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 6; Стрижак О.С. Етніонія Геродотової Скіфії. Київ, 1988. С. 102; Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Київ, 1988. С. 224; Мачинский Д.А. Скифия и Боспор. От Аристота до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 13, 18.

²² Медведев А.П. К вопросу об идентификации р. Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного центра России. Воронеж, 1989. С. 151–152; он же. Река Танаис в системе

в качестве вполне надежного географического репера при локализации тех или иных древних народов.

Как известно, этногеографический экскурс «Скифского логоса» образуют четыре отдельных перечня этносов (Herod. IV. 17–26). Каждый из них представляет полосу земель, попавшую в поле зрения автора, которая начинается от моря и уходит «вверх», т.е. вглубь материка: 1) по Гипанису (Южному Бугу); 2) к востоку от Борисфена (Левобережье Днепра); 3) за р. Пантикап (Днепро-Донское междуречье); 4) за Танаисом (Левобережье Дона и далее на восток к Приуралью). Они вполне самостоятельны, но в целом неплохо согласуются между собой. Для нашей дискуссии особый интерес представляет последняя четвертая «полоса земель» за Танаисом, наиболее полно отражающая географические и этнографические представления «отца истории» о восточных пределах Скифии и ее обитателях. Обратимся к источнику.

«Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом. Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. [2] Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой... [3] Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну» (Herod. IV. 21–22)²³.

Давно уже установлено, что в основе Геродотовой диатезы племен "за Танаисом" лежало древнее описание торгового пути из гавани борисфенитов к приуральским аргиппеям и исседонам²⁴. На это прямо указывал и сам Геродот, завершая его описание: «Вот до этих плешивых (т.е. аргиппеев. – А.М.) о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» (Herod. IV. 24). Именно наличие вполне надежного источника вроде перизгесы и связанных с ней устных рассказов торговцев, ходивших этим путем, позволило пытливому взгляду Геродота проникнуть далеко вглубь материка. В целом изучение этногеографических описаний окраинных областей ойкумены в «Истории» Геродота демонстрирует одну любопытную закономерность: он располагал более достоверной и оригинальной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути²⁵.

Таким образом, характер основного источника сведений Геродота о расселении народов, живущих к востоку и северо-востоку от Скифии, существенно повышает доверие к содержащейся в нем этногеографической информации. У нас имеется редкая возможность проверить степень достоверности сообщений «отца истории» о размещении народов на танаисском участке торгового пути по независимым данным археологии. В его пользу безусловно свидетельствует наличие в Подонье трех сильно различающихся археологических культур скифского времени – савроматской, среднедонской и городецкой. *Важно то, что их последовательность точно соответ-*

историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. С. 127–137.

²³ Здесь и далее текст «Истории» Геродота приводится в переводе И.А. Шишовой по изданию: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

²⁴ *Hennig R.* Herodois Handelsweg zu den sibirischen Issedonen // *Klio*. 1935. 28; *Граков Б.Н.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволж्या́м і Приуралля́м в архаїчну і класичну епохи? // *Археологія*. 1947. Т. I. С. 23–38.

²⁵ *Медведев А.П.* Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота // *Археологія*. 1997. № 4. С. 26–27.

стает трем большим этносам, упомянутым Геродотом: савроматам в степях за Танаисом; будинам в его среднем лесостепном течении; и, наконец, тиссагетами. После открытия на Верхнем Дону многочисленных городищких поселений, вероятнее всего оставленных тиссагетами, важным представляется еще одно свидетельство «отца истории» о том, что из их земли берут начало четыре большие реки, в том числе и Танаис (Herod. IV. 123).

Как видим, принципиальное совпадение данных двух различных видов источников делает более чем проблематичным локализацию скифов на Среднем Дону, на чем так настаивает В.И. Гуляев и его коллеги в работах начиная с середины 90-х годов²⁶. Здесь они никогда и никем не упоминались. Замечу, что не может служить аргументом в пользу доказательства обитания скифов в среднедонском регионе и явно вырванное из контекста свидетельство «отца истории» о том, что часть владений «скифов царских» доходит до реки Танаиса (Herod. IV. 20). До сих пор ни у кого из скифологов не вызывало сомнений то, что в этом пассаже речь идет о восточных границах кочевий «скифов царских», которые включали Степной Крым и Северо-Западное Приазовье вплоть до низовий Танаиса-Дона. Последнее находит подтверждение в археологических материалах дельты Дона, в особенности, Елизаветовского городища и курганного могильника, где исследован знаменитый скифский курган «Пять Братьев», действительно по ряду показателей близкий грандиозным степным усыпальницам скифских царей²⁷. Но ничего подобного севернее дельты Дона и тем более на Среднем Дону неизвестно.

Помимо только что рассмотренной диатезы племен «за Танаисом» Геродот дает нам еще одну возможность проверить достоверность его представлений о расселении соседей скифов, обитающих по северной и восточной сторонам «Скифского квадрата». Среди них скорее всего были упомянуты и древние народы лесостепного Подонья. Вопрос об источниках этой информации до сих пор остается открытым. В рассказе о «Скифском тетрагоне» большинство антиковедов видят отражение географических представлений самого Геродота или его предшественников, возможно, восходящих к ионийской карте Скифии²⁸. Недавно в пользу греческих истоков «Скифского квадрата» определенно высказался С.Р. Тохтасьев²⁹. Другой подход к решению этого вопроса предложил Д.С. Раевский³⁰. Ему удалось весьма убедительно показать фольклорную, эпическую природу значительной части «Скифского логоса». По его мнению, Геродотово описание «Скифского квадрата» скорее всего восходит к представлениям самих скифов о их мире, его географии и племенном окружении. Оно отражает своего рода скифскую модель мира.

Однако как бы мы сейчас не решали этот вопрос – в пользу античной «теоретической» (в изначальном значении слова) или «фольклорной» (в духе Д.С. Раевского) природы этногеографии «Скифского квадрата» – обращает на себя внимание исключительно устойчивая последовательность Геродота в перечислении племен, обитав-

²⁶ Гуляев, Савченко. Терновое I... С. 100–102; они же. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследования 1996–1997 гг.) // РА. 1998. № 4. С. 115–132; Гуляев В.И. О результатах раскопок курганов скифского времени на Среднем Дону в 1993–1997 гг. // Вестник РГНФ. 1998. № 1. С. 168–178; он же. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 145–152.

²⁷ Брашинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 24–28; Стели Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 59–62.

²⁸ Myres J.L. An Attempt to Reconstruct the Maps Used by Herodotus Scythians and Greeks // Geographical Journal. 1896. V. VIII. P. 605; Minns E.N. Scythians and Greks. Cambr., 1913. P. 27; Ельницкий Л.С. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 56; Шишова И.А. О достоверности географических сведений в «Скифском рассказе» Геродота // Летописи и хроники. М., 1981. С. 21–22; Нейхард А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 155–157.

²⁹ Выступление С.Р. Тохтасьева в дискуссии по статье Л.С. Клейна «Индоарии и скифский мир» (НАА. 1987. № 5. С. 91–92).

³⁰ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 69–70.

ших по его сторонам (IV. 100, 102–110, 119, 123–125). Важно то, что историк всегда строго выдерживал порядок их названий даже при обратном перечислении с востока на запад, как, например, при описании хода военных действий в кульминационный период Скифо-персидской войны (Herod. IV. 123–125). Поэтому со времен Н.И. Надеждина, который первым из ученых обратил внимание на эту повторяемость, она служит своего рода лакмусовой бумажкой при проверке истинности размещения исследователями этносов по сторонам «Скифского квадрата»³¹.

Таким образом, при разработке вопросов этнической географии Подонья в скифское время есть возможность использовать несколько независимых систем в определенной мере упорядоченной самими древними этногеографической информации о периферийных племенах, а также данные современной археологии:

1. Диатезу народов по Танаису, начиная от «самого дальнего угла озера Меотиды» вверх по реке и далее на «северо-восток», взятую из античной торговой периегесы.

2. Перечень народов вдоль северной стороны «Скифского квадрата», особенно у его северо-восточного угла, скорее всего восходящий к мифопоэтическим представлениям самих скифов о их стране и ее окружении.

3. Картографирование разнокультурных археологических памятников Подонья и смежных регионов Степной и Лесостепной Скифии.

Все они содержат ценную этногеографическую информацию, относящуюся к областям, прилегающим к северо-восточному «углу» Скифии. Принципиально важно то, что их взаимное наложение до минимума сужает диапазон поиска тех этнонимов, под которыми Геродот мог знать современное ему население по среднему и верхнему течению Танаиса. А здесь он постоянно упоминает лишь «большой и многочисленный народ будинов» вместе с переселившимися к ним гелонами (IV. 21, 108–109, 123), а «выше» – охотников-тиссагетов и их лесных соседей-иирков (IV. 22, 123). Скорее всего именно эти народы и обитали на Среднем и Верхнем Дону в скифское время.

Если последовательно придерживаться этнонимии Геродота и неплохо изученных археологами культурных индикаторов «Геродотовых скифов» Причерноморья (а других скифов для этого времени археологи достоверно не знают), то не остается сколь-нибудь серьезных научных оснований распространять их владения вплоть до современного Воронежа. По моим наблюдениям, скифы время от времени «появлялись» на Среднем Дону в работах тех ученых, которое или не различали два значения этого этника в античной традиции и, соответственно в современной науке, или в силу разных причин недостаточно учитывали специфику местных памятников. Я уже обращал внимание на то, что блеск находок из воронежских курганов часто настолько застилал зрение археологов, что они становились невосприимчивыми к подчас неброским проявлениям действительной этнокультурной специфики этого населения. К сожалению, новым подтверждением этой оценки, высказанной пять лет назад, служат последние публикации В.И. Гуляева, включая и статью, положившую начало настоящей дискуссии (ДПС, с. 6, 17–19). Он постоянно акцентирует внимание читателя на сходстве, иногда вплоть до идентичности некоторых категорий инвентаря (серебряные сосуды, мечи с золотыми накладками, женские золотые украшения, золотые нашивные бляшки и т.п.) из воронежских курганов, с одной стороны, и Степной Скифии IV в. до н.э., с другой. Сходство это несомненно, на что обращалось внимание и ранее, в том числе и мною. Но все перечисленные категории погребального инвентаря для Среднего Дона являются импортом. Они характеризуют культуру местной военно-аристократической верхушки, которая как и всякая элитарная культура носила синкретический характер, но никак не ее этнос.

Явным преувеличением является утверждение В.И. Гуляева «о полном совпадении и единстве субкультуры аристократической верхушки всех областей степи и лесо-

³¹ Надеждин Н.И. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. Вып. 1. Одесса, 1844. С. 84–86. Эту последовательность использовал и П.Д. Либеров (ук. соч. С. 6).

степи, входивших в состав скифского государственного объединения» (ДПС, с. 19). Это заключение противоречит выводам скифологов, издавших не так давно фундаментальный том по скифо-сарматской археологии в академической серии «Археология СССР». В нем убедительно показаны существенные различия в обряде и инвентаре курганов Степной и Лесостепной Скифии, особенно в V–IV вв. до н.э., а также ее отдельных локальных вариантов. Так, при несомненной близости части сопровождающего инвентаря среднедонские курганы в целом во многом отличаются от синхронных скифских степных. Достаточно напомнить один хорошо известный факт – основным типом погребальных сооружений собственно причерноморских скифов в это время становятся катакомбы, тогда как в лесостепном Подонье на протяжении скифской эпохи и, что особенно важно, всего IV в. до н.э. захоронения по-прежнему совершались в столбовых склепах, дромосных гробницах, реже простых грунтовых ямах. Да и их инвентарь, несомненно, обладает локальной спецификой по сравнению со скифским степным, на что давно обратил внимание П.Д. Либеров. Назову только некоторые массовые археологические проявления культурного своеобразия той части среднедонского населения, которая оставила курганные некрополи типа Частых и Мастюгинских курганов. Прежде всего, это местные формы керамики («ритуальные сосудики» с парными проколами под венчиком, «вазы»), литые бронзовые котлы с «усами», своеобразие в вооружении (некоторые оригинальные типы акинаков, обилие находок наконечников дротиков с рюмковидными втоками, железные втульчатые двулопастные наконечники стрел), зооморфные поясные крючки, наконечник среднедонской вариант звериного стиля и другое.

Все это не позволяет мне принять предположение В.И. Гуляева о погребениях в воронежских курганах правителей-номархов, происходящих из правящего рода господствующего племени скифов (ДПС, с. 19). Оно имеет крайне шаткое основание, составленное лишь из находок в самых богатых курганах престижных золотых и серебряных вещей явно импортного происхождения³². Если даже допустить, что таковые скифские наместники на Среднем Дону все-таки были, то становится непонятно, почему их хоронили здесь не по «отеческому» обряду, принятому в метрополии у скифов-царских. Возможно, последнее слово в нашей дискуссии смогут сказать антропологи, если им удастся доказать несомненную краниологическую близость населения Среднего Дона причерноморским скифам.

Замечу также, что в скифской гипотезе В.И. Гуляева не осталось места для наиболее многочисленной категории скифоидных памятников Среднего и Верхнего Подонья. Это городища и открытые поселения, синхронные воронежским курганам. Именно на них проживала подавляющая часть лесостепного населения. Что это было за население? Какова могла быть его этническая принадлежность? В каких отношениях оно находилось с людьми, погребенными в среднедонских курганах? Этих и других важных вопросов мы не найдем в статье, открывшей настоящую дискуссию. Развиваемая В.И. Гуляевым гипотеза о скифах на Среднем Дону как будто бы и должна была снять многие накопившиеся к исходу XX в. затруднения и противоречия в древней истории и археологии Донского региона. Но, кажется, этого не произошло. Не произошло, видимо, потому, что она, несмотря на новые яркие археологические материалы из могильника Терновое I – Колбино, не смогла охватить и тем более оставила без сколь-нибудь убедительного объяснения даже ту совокупность фактов, которые

³² Если В.И. Гуляев из факта находок золотых и серебряных изделий в воронежских курганах сделал заключение о вхождении среднедонского региона в состав скифского государственного объединения, то совсем недавно Л.И. Бабенко предложил уж совсем неприемлемое объяснение их богатства. В найденных там золотых предметах он усмотрел вещественные доказательства... мародерства среднедонских дружин, якобы принимавших участие в неудачном походе Атея против македонян. По его версии, после разгрома скифов в 339 г. до н.э. среднедонские и северскодоонецкие дружинники превратились в мародеров и принялись грабить своих бывших неудачливых союзников (Бабенко Л.И. О характере погребений с вещами скифского типа в Донецко-Донской лесостепи // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 42–43).

менее противоречиво укладывались в старую гипотезу П.Д. Либерова о будинах и гелонах на Среднем Дону. Но для меня она неприемлема не только потому, что противоречит известным фактам.

Возвращение к взглядам М.И. Ростовцева по существу лишило восточноевропейскую лесостепь какого-либо автохтонного населения, что и продемонстрировал В.И. Гуляев своей новой картой этногеографии Скифии³³. Ряд соседних со скифами народов, например меланхлены, на ней оказался сдвинутыми далеко к северу, на широту таких далеких «заскифских» этносов, как тиссагеты и иирки. В результате все Днепро-Донское междуречье к северу от Степной Скифии оказалось незаселенным, что находится в вопиющем противоречии с данными археологии (ворслинская, посульская, северско-донецкая, сейминская группы лесостепной скифоидной культуры). И что особенно странно, на этой карте даже Среднее Подонье, где более 40 лет работает В.И. Гуляев, занимает сплошное «белое» пятно!

Мне кажется, что современная скифология, несмотря на ряд нерешенных проблем, о которых речь пойдет ниже, обладает все-таки несколько большей «разрешающей способностью» в выделении этнически значимых компонентов в археологических культурах, нежели во времена М.И. Ростовцева и А.А. Спицына. Письменные свидетельства и данные археологии независимо друг от друга указывают на то, что сложившаяся здесь в эпоху Геродота этнокультурная ситуация была гораздо более сложной и уж во всяком случае не такой однозначной, чтобы всю ее без насилия над источниками можно было непротиворечиво описать при помощи старой гипотезы «скифы на Среднем Дону».

В заключение необходимо высказать несколько суждений частного характера. В.И. Гуляев не пожалел бумаги, обильно цитируя отрывки из моей последней книги, в особенности, из главы, где речь идет о моем понимании гелонов и будинов. На первый, поверхностный взгляд оно действительно противоречит их характеристике в тексте Геродота (IV. 108–109), прочитанном буквально, да еще и в русском переводе. Однако не нужно мне приписывать честь авторства гипотезы о принадлежности большинства лесостепных городищ Днепро-Донского междуречья «большому и многочисленному народу будинов». Ее творцом был выдающийся русский скифолог Б.Н. Граков, в равной мере владевший всей совокупностью археологических источников и прекрасно анализировавший на языке оригинала тексты античных авторов. Именно он обратил внимание на этимологию этнонима «будины» в «Этнике» Стефана Византийского³⁴. Из нее становится очевидным, что чужой для эллинов этноним Βουδῖνοι воспринимался ими как производный сложносоставной от двух слов их родного языка: βούς – «бык» и δινέω – «кочевать», «кружиться» на телегах (Steph. Byz. Ethnic. s.v. βουδῖνοι). Б.Н. Граков остроумно предположил, что из этой явно ошибочной эллинской этимологии и могла родиться та «кочевническая» характеристика будинов, которую мы находим у Геродота, как известно, не знавшего ни одного языка, кроме родного греческого.

Подобный «метод» добывания информации из этнонима «отец истории» практиковал весьма часто. Не так давно В.И. Абаев выявил яркий образец адаптации Геродотом (или его информаторами) скифского этнонима *gauwarga* – «почитающие скот» к нормам греческого языка³⁵. В результате одно из скифских скотоводческих племен превратилось в *skythoi georgoi*. Как известно, буквальное понимание этого псевдоэтнонима вступало в вопиющее противоречие с надежными и многочисленными данными скифской археологии – во времена Геродота в степном Левобережье Нижнего Днепра обитало лишь кочевое население, оставившее множество курганов без сколь-нибудь заметных следов оседлости, свойственной земледельцам. Вообще

³³ Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН 1993–2000 гг.). М., 2001. Рис. 2.

³⁴ Граков. Скифы. С. 163.

³⁵ Абаев В.И. Геродотовские *skythai georgoi* // ВЯ. 1981. № 1. С. 75–76.

исследователи, занимающиеся изучением творчества «отца истории», давно обратили внимание на подобный способ добывания им информации из этнонима. Достаточно вспомнить предельно скупные описания андрофагов и меланхленов, практически не содержащие никаких иных сведений, помимо тех, которые заложены в самих этих псевдоэтнонимах (IV. 106–197). Видимо, то же самое следует сказать и о будинах – *ничего конкретного о кочевом образе их жизни Геродот не сообщает*³⁶.

Теперь несколько слов о гелонах и возможности их локализации на Среднем Дону. Как известно, у Геродота в разных местах «Скифского логоса» приведены две взаимоисключающие версии их происхождения и этноса, явно восходящие к разным источникам. В статье В.И. Гуляева (ДПС, с. 9) приводится пространная цитата из моей книги, которая тут же сопоставляется с Геродотовым описанием гелонов в IV. 109. После этого делается весьма суровый вывод «вопреки Геродоту, гелоны, по мнению воронежского ученого, никакого отношения к эллинам не имеют, на эллинском языке не говорят, земледелием и садоводством не занимаются...». Но здесь мой уважаемый оппонент опустил вторую версию происхождения гелонов, сообщаемую Геродотом в «понтийской» легенде о происхождении скифов (IV. 9–10), проанализированной в моей книге. Из нее явствует, что гелоны являлись потомками героя-эпонима Гелона – одного из братьев Скифа, прародителя скифов. Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос о принадлежности этой легенды скифам, грекам или самим гелонам, обращаю внимание на то, что эта легенда, вопреки сообщению Геродота (IV, 108–109), прямо утверждала *кровное родство последних со скифами*. Весьма примечательно, что именно эта версия подкрепляется последующей античной традицией. Уже Аристотель сообщает следующее: «У скифов, называемых гелонами, водится редкое животное, называемое тарандом» (De mir. ausc. 30). Позже грекам и римлянам гелоны представлялись отнюдь не мирными хлебопашцами и садоводами, а воинственными конными воинами. Подобное понимание этноса гелонов как родственников скифам ираноязычных племен лесостепи мы находим у М.И. Артамонова, Б.А. Рыбакова, Б.А. Шрамко, Б.Н. Мозолева и других ученых, серьезно занимавшихся гелонно-будинской проблемой³⁷. Такой подход к проблеме гелонов как к этносу, изначально родственному скифам, но все-таки особому, позволяет вполне логично объяснить и определенную близость инвентаря среднедонских курганов собственно скифским, и явные различия в типах их погребальных сооружений, и наличие в них безусловной локальной специфики, как, впрочем, и само местонахождение этих курганов именно в той области, где этот народ размещал Геродот. Если все же видеть в гелонах настоящих эллинов, то почти столетний поиск следов их пребывания в глубинных районах лесостепи (может быть за исключением расположенного не так далеко от Ольвии Немировского городища) пока не дал сколь-нибудь определенных результатов.

Принадлежность среднедонских некрополей Геродотовым гелонам дополнительно подтверждает и находка в кургане 3 группы Частых знаменитого серебряного сосуда. Как убедительно доказал Д.С. Раевский, одна из запечатленных на нем сцен – уход проигравшего состязание героя-эпонима Гелона, основной скифской этногонической

³⁶ Критикуя меня за то, что я будинов-кочевников превратил в земледельцев, а земледельцев-гелонов – в кочевников, В.И. Гуляев не обратил внимание на явное противоречие в его идентификации Геродотовых будинов и племен городецкой культуры в Западном Поволжье. Но если эту идентификацию последовательно распространить на весь ареал городецкой культуры, то будинов все-таки придется «вернуть» на Верхний Дон, где, как указывалось, открыто множество памятников этой культуры. Однако, судя по выраженным следам оседлости в виде поселений и даже городищ, их обитателей вряд ли можно считать номадами. Если еще вспомнить, что, по Геродоту, в верховьях Танаиса обитали не будины, а тиссагеты, то очень старая версия локализации будинов на землях городецких племен утратит всякий смысл.

³⁷ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 93; Рыбаков. Ук. соч. С. 154, 163; Шрамко. Бельское городище... С. 158–159; Тереножкин, Мозолевский. Ук. соч. С. 210–211; Гаврин П.Я. Племена скифского часу в лесостепи Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'ілля). Полтава, 2000. С. 229.

легенды³⁸. Маловероятно, чтобы столь редкое изделие случайно оказалось в одном из курганов именно той области, куда, согласно рассказу «отца истории», переселились гелоны. Во всяком случае, эта находка дает основание утверждать, что местная аристократическая элита была не только знакома с основным скифским генеалогическим преданием, но осознавала свою причастность к нему, скорее всего потому, что в нем фигурировал ее мифологической прародитель – Гелон.

При наличии у одного автора двух взаимоисключающих версий исследователь оказывается перед нелегким выбором, так как согласовать их невозможно. Здесь мог бы помочь анализ источников, которые Геродот использовал в IV. 9–10; 108–109. Меня не оставляет ощущение весьма искусственной конструкции Геродотового образа гелонов, в котором он попытался соединить и их родство со скифами, и созвучие этнонима Γελωνοί с Ἑλλήνες. Их отождествлению могла способствовать популярность имени Гелон среди греков: Гелон – эпоним сицилийского города Гелы, Гелон, сын Дейномена, тиран Гелы, Гелон – сын сиракузского тирана Гиерона II, Гелон – спартанец, победитель на 44-х Олимпийских играх, Гелон – леонтинец, посланник в Афины 433/432 г. до н.э., Гелон – эфирот, соперник Пирра, и др.³⁹ Может быть, в этом случайном созвучии имен и следует искать истоки Геродотового заключения о двуязычии гелонов: «И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском» (IV. 108)⁴⁰.

Несколько слов о степени культурной близости среднедонских и нижнедонских курганных могильников. В.И. Гуляев со ссылкой на ростовских коллег пишет о единстве культуры Среднего и Нижнего Дона (ДПС, с. 10), о поразительном сходстве между инвентарем курганных захоронений V–IV вв. до н.э. воронежских и нижнедонских могильников правого берега и донской дельты, а также междуречья Дона и Северского Донца (ДПС, с. 12). Автор, безусловно, прав, говоря, что до сих пор никто не предпринимал попыток сопоставить археологические материалы этих групп памятников. Однако и его заключение выражает общую интуитивную оценку, видимо, не основанную на детальном сравнительном анализе воронежских курганов и могильников в низовьях Северского Донца. Между тем, даже при беглом знакомстве с последними в глаза бросаются явные их различия со среднедонскими прежде всего в типах погребальных сооружений. На Среднем Дону преобладали столбовые гробницы, иногда с дромосами. Ни в одном из курганов междуречья Дона и Донца подобных сооружений ни разу пока не встречено. Здесь захоронения совершались в грунтовых, иногда дромосных могилах, но без следов столбовых конструкций⁴¹. В Елизаветовском же могильнике абсолютное большинство могил составляли грунтовые ямы сильно вытянутых пропорций, а в группе «Пять Братьев» – каменные гробницы⁴². Ни тех, ни других нет ни на Среднем Дону, ни в низовьях Северского Донца, ни в лесостепном Левобережье Днепра. Сильно различается и набор лепной посуды, входивший в состав инвентаря среднедонских и нижнедонских курганных

³⁸ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 30–34.

³⁹ RE. Bd 7. Stuttgart, 1912. Col. 1007–1017; *Legrand Ph. Hérodote. Index analytique.* P., 1954. P. 22. Ср. Русыева А.С. Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время // ВДИ. 1999. № 4. С. 90. Я не разделяю точку зрения А.С. Русыевой о придумывании эллинами многих этнонимов и топонимов Скифии, в том числе таких сильно удаленных от освоенного греками причерноморского побережья, как Гелон. Среди них были и местные, по крайней мере иранские, названия, весьма точно переведенные на греческий язык, например, *saudaratai* = Μεγάλλαινοι; *amadaka* = Ἀμάδοκοι = Ἀνδροφάγοι, были и псевдотопонимы, появившиеся в результате греческой адаптации местного названия вроде уже упомянутых *skythoi georgoi*.

⁴⁰ Не имея здесь возможности в должной мере остановиться на источниковедческих аспектах гелонобудинской проблемы, отсылаю читателей к моей статье: Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий // *Античный мир и археология.* Вып. 11. Саратов, 2002.

⁴¹ Максименко. Ук. соч. С. 52–54.

⁴² Копылов В.В. Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII–IV вв. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 10–11.

погребений. Если в первых доминирующим типом лепной посуды были вазы и кувшины, то в погребениях типа Шолоховского и Сладковского курганов преобладали грубые лепные горшки, в том числе с раздутым яйцевидным туловом. В последних явно сохраняются традиции савроматской археологической культуры. Нет здесь и характерных для Среднего Дона «ритуальных сосудиков» с проколами. Существенные локальные особенности просматриваются и в изделиях звериного стиля этих трех групп памятников. Несомненно, среди них несколько большим сходством обладают среднедонские могильники и курганы в низовьях Северского Донца. Однако это сходство не столь велико, чтобы можно было говорить о единстве культур их создателей. С другой стороны, в среднедонских курганах пока встречены лишь единичные находки, характерные для культуры кочевников Нижнего Дона.

Еще в середине 70-х годов К.Ф. Смирнов, В.Е. Максименко и другие археологи вполне правомерно связали памятники в междуречье Дона и Северского Донца с сирматами⁴³. Я полностью разделяю их точку зрения, так как по единству «места и времени» (правобережье нижнего течения Танаиса, датировка IV в. до н.э.), а также по наличию явных раннесавроматских признаков они никому и не могут принадлежать, кроме сирматов Евдокса и Псевдо-Скилака. Недавно эта идентификация была поддержана известным специалистом по античной этногеографии Дж. Гардинер-Гарденом⁴⁴. Как это не покажется странным, сейчас гораздо сложнее дело обстоит с археологической идентификацией Геродотовых савроматов⁴⁵. И это несмотря на то, что «отец истории» дает почти исчерпывающие координаты «надела савроматов» и указывает его протяженность в днях пути (IV. 21, 116). По этой дискуссионной проблеме древней этнической истории Подонья наверно скажут свое весомое слово специалисты по савроматской археологии.

Дискуссия по казалось бы, периферийным аспектам скифологии, каковыми, на первый взгляд, могут показаться поставленные В.И. Гуляевым и затронутые частично мною темы, тем не менее остро обнажает и некоторые назревшие общеметодологические проблемы археологии и этнокультурной истории Юга Восточной Европы в античную эпоху. Одну я только что называл – это проблема поиска археологического соответствия «савроматам Геродота» за Танаисом. Другая не менее важная проблема археологических критериев скифов как этноса. Долгое время ее в нашей науке вроде бы и не было, так как с университетской скамьи всем была хорошо известна «скифская триада». Однако после ее недавнего «развенчания» в качестве надежного этноиндикатора скифов⁴⁶, других археологических маркеров предложено не было. Может быть, эта проблема и не стоит так остро для ученых, работающих с классическими степными скифскими памятниками Северного Причерноморья V–IV вв. н.э. Однако с нею постоянно сталкиваются практически все исследователи, занимающиеся этнической историей «Скифского мира». Помимо причерноморской степи в него входили и другие регионы, в том числе восточноевропейская лесостепь. Без ее разработки нам никогда не удастся в полной мере определить, если так можно сказать, степень «скифизации» степных и лесостепных культур древней Европы, решить вопрос о соотношении курганных могильников и городищ в глубине лесостепи, о включении населения последней в состав скифской государственности и многое другое. Но прежде всего это необходимо для скорейшего освобождения нау-

⁴³ Смирнов. Сарматы... С. 37–41; Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 127–128. Ср. Туаллагов А.А. Сарматы // Нижневолжский археологический вестник. 1999. 2. С. 26–31.

⁴⁴ Gardiner-Garden J. Eudox, Skylax and the symmatai // *Eranos*. 1988. 86. P. 31–42.

⁴⁵ Очир-Горяева М.А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. № 2. С. 32–39; Очир-Горяева М.А. Eine neue Konzeption über die Sauromaten // *Zeitschrift für Archäologie*. 1993. № 27. S. 287–291; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Савроматы и скифы // *Донские древности*. Вып. 5. Азов, 1997. С. 79–86.

⁴⁶ Ольховский В.С. Скифская триада // Памятники скифского и предскифского времени на Юге Восточной Европы. М., 1997. С. 85–96.

ки от той вольной или невольной путаницы в этнических определениях, которые еще встречаются в современной скифо-сарматской археологии.

А.П. Медведев

ANTIQUÉ TRADITION AND ARCHAEOLOGICAL REALITY OF THE
SCYTHIAN TIME ON THE MIDDLE AND UPPER DON
(*Problems of Ethnocultural Interpretation*)

A.P. Medvedev

The author assumes that the main drawback of contemporary summarizing studies dealing with the problems of the history of South-East Europe in Scythian times is the following: the archaeologists, as a rule, do not analyze the data of the antique tradition deeply enough, and, primarily, the information contained in the «Scythian Logos» by Herodotus. Because of this, he finds it necessary to observe the procedure of comparison of archaeology and written data more strictly. The most important condition in this case is systematic comparison of archaeological data and written sources.

Applying this principle to the territories along the Don river, the author points out the existence of three different cultures in this region which existed in the period of the 6th–4th centuries BC: on the upper reaches of the Don and Voronezh rivers – the Gorodetskaya Culture, on the Middle Don – the Middle Don (Srednedonskaya) Culture with its two different economic and cultural types (settled forest-steppe farmers and cattle-breeders who had sites and settlements, and semi-nomades who had left kurgan graves), and the Sauromatian culture in the south.

The author compares these three cultures with the part of Herodotus' data which is related to this territory. He finds there three peoples: Sauromatians, Boudinians, Gelonians.

Proceeding from this comparison, the author completely rejects the hypothesis of V.I. Gulyayev about Scythian attribution of the Middle Don kurgan-graves.

© 2002 г.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРАХ
«СКИФО-САКСКОГО ТИПА»

Развернувшаяся в последние годы дискуссия об этнокультурной атрибуции среднедонских археологических комплексов раннего железного века возвращает нас к 1960–70-м годам – ко времени горячих споров, которые вели в специальных изданиях и на конференциях преимущественно П.Д. Либеров и К.Ф. Смирнов.

Сейчас в спорах участвуют, правда, больше специалистов, которые пытаются опереться на возросший фактический материал. Но и тогда, и теперь непредвзятого читателя, научные интересы которого лежат в стороне от Днепро-Донского и Донецко-Донского междуречья, смущала и смущает избыточно размашистая "панорамность", отличающая этнокультурную атрибуцию памятников скифской эпохи.

Междуречье Дона и Северского Донца не вписывается в единую физико-географическую зону. Примерно по линии Харьков–Россошь–Богучар–Саратов проходит современная граница лесостепи и степи. Это означает, что для среднедонской культуры VI–III вв. до н.э. «вмещающим» ландшафтом была лесостепь, а для одновременных памятников, открытых на территории Ростовской области, – степь (независимо от того, связывают ли их с савроматами, сирматами, скифами, меотами или будинами).

То, что высококвалифицированные и авторитетные специалисты фактически игнорировали разделение Доно-Донецкого междуречья на две физико-географические